

Часть I ДУЭТ

Глава 1

Письмо Нести к Иде

Париж, 25 января 1932

Дорогая подруга,

Получил твое письмо от 22 января. Это правда: прошло двадцать лет, мы были погребены под снегом, и поезд пришел очень поздно...

Храм Воскресения в Сокольниках был набит битком, всем было крайне любопытно на тебя посмотреть, а ты, моя принцесса, несмотря на твою элегантную отстраненность оставалась такой простой. Все они, так же как и я, были во власти твоих глаз, легкий блеск синего в них наводил на мысли о снеге и зимним небе утром на рассвете где-то далеко-далеко на ледяном озере Крайнего Севера. Во всяком случае, такими я, никогда не знавший эти земли за полярным кругом, представлял их, и уж тем более совершенно не подозревал, что однажды мне придется жить там, в окружении войны и ненависти.

В тот день я был безмерно счастлив. Все улыбалось мне тогда, на заре 1912 года. Мне хотелось укушать твои щеки, попробовать на вкус этот рот, такой утонченный, подчеркнутый вот тут, с правого края, совсем легкой улыбкой. Хотелось трогать, ласкать твои маленькие кудрявые локоны, что вырывались из-под вуали. Они были такими свободными, естественными, бежали навстречу свету. Совсем такой же бывала и ты каждый раз, когда нам доводилось гулять вдвоем по лесу, где мы ходили, бегали, затаив дыхание, опьяненные этим небом, простиравшимся перед нами на опушке леса, этой жизнью, что пустилась галопом и бросила нас навстречу друг другу, столь недвусмысленно.

Умирая от нетерпения и вопреки традиции, которая требует, чтобы будущий муж благоразумно ждал в церкви, я решил прийти и забрать тебя. Мне хотелось похитить, унести тебя прямо на руках! И вот мы оказались в поезде, вдвоем. А у машиниста этого поезда была восхитительная манера притормаживать, останавливаться, снова трогаться, это было похоже на недоверчивые всхлипы перед приближением нашего счастья. И я смаковал эти мгновения, что предназначались мне, мне одному (твоя мама, конечно, была рядом с тобой, но я ее не замечал). В свете, мерцавшем при движениях вагона, я упивался твоим лицом, этими отражениями, что играли на твоей коже, изяществом твоей шеи, когда ты, расхохотавшись, откидывала голову немного назад, твоим озорным взглядом, что завораживал и овладевал мной, приковывал к тебе и душу, и сердце. Снег шел все сильнее и сильнее, и, помнишь, мы смеялись, не зная, приедем ли

мы когда-нибудь, наконец, на эту свадьбу, а ведь это была наша свадьба.

Я протянул тебе руку, и тут вдруг вся моя страсть странным образом обернулась сладким покоем, таким, которого я никогда до тех пор не знал. Что, неужели одна только эта милая девушка могла утолить мою ярость к жизни и залечить мои раны? Этот взгляд, твой длинный силуэт и твои пышные белокурые волосы, бежавшие словно ручей, чем-то делали тебя похожей на Василису Премудрую, что пригласила меня, городского человека, француза, которым она так восторгалась, в свою сказку...

Ты была всем тем, чем не были другие. Я любил тебя с того самого первого дня, как увидел. Ты, словно лебедь, скользила по катку... Придя в себя от восторга, я бросился к тебе, чтобы мягко кружить вокруг тебя, пока ты резвилась, едва осознавая мое присутствие. Но вдруг, по ходу движения, не глядя, не касаясь друг друга, мы соединились и закружились почти в полной гармонии. Я проводил тебя и немного натянуто поклонился. И тут вдруг, сам не знаю почему, я запел, а ты подхватила мою песню звонким, как летний дождь, голосом. Это был дуэт *La ci darem la mano*, и ты его тоже знала, как и я.

Твою любовь к музыке я обнаружил позже. Твои пальцы скользили по роялю, так же легко, как твои ноги по льду. Ты понимала и чувствовала музыку, жила ею. Мне довелось аккомпанировать нашему великому певцу Собинову на рояле у Евсеевых, в их гостиной, что я делал с волнением и счастьем. Но когда мне довелось познакомиться с интимной стороной своего музыкального вдохновения, ког-

да ты позволила мне сесть за твоё пианино, чтобы я подобрал аккомпанемент к той вокальной партии, которая будто рождалась где-то в глубине тебя, я был ошеломлен. То, что содержала в себе партитура, вдруг исчезло, а я унесся далеко за пределы пейзажей и меланхолических намеков, в самое сердце, которое билось, отдавало себя и описывало своими совершенными интонациями тот мир, глубины которого я ещё не осознавал, но где я двигался все дальше, вдыхая вместе с тобой музыкальный аромат, который наполнял мою душу, и где твои каденции клубами устилали землю, перемешивали её с небом, заливали её роскошью небесных гармоний. Именно там, рядом с тобой, когда я вернулся из одного из тех величественных путешествий, в которые ты завлекала меня своим голосом, это желание единения отпечаталось в моем сердце.

В тот день, когда мы наконец вошли в православный храм в Сокольниках, ты пробудила во мне католике, которым я был, другого меня, часть России, ждущую своего часа, знакомую с детства, но ей, однако, ещё не доводилось проявиться. Ты была немкой, я был французом, и оба мы были русскими. Русской ты была по матери, а твой отец, балтийский немецкий барон, дал тебе вместе со своим титулом и языком это красивое имя, Шоенайх. Ты была единственной дочкой, а я — десятым ребенком в семье. Моя прусская мать была второй женой моего отца-француза. От неё, вместе с ее родным языком, мне передались устойчивый темперамент и надежный характер. Однако я был погружен во французскую культуру, сначала учась

во французской школе в Москве, а затем в лицее Сен-Филипп-Нери. Но Россия ждала меня за порогом квартиры, в которой мы жили в Москве. Ее язык, ее способ чувствовать и видеть стали моими. Как и я, ты чувствовала себя глубоко русской, хотя, конечно, это было совсем не так.

Тебе было восемнадцать, мне тридцать... Как улыбался нам 1912 год!

Когда священник вел нас обоих за руку, я не мог удержаться от того, чтобы взглянуть на тебя: твою безмятежную сладость, твое чистое лицо, окруженное ореолом короны на голове.

Да, в тот год я чувствовал себя непобедимым! Окрыленный твоей любовью и нашим союзом, в то время я также создавал то, что впоследствии стало моим первым большим успехом: «Букет Наполеона». С каким терпением ты слушала своего Нестю — так ты ласково называла меня — с воодушевлением вещавшего про Императора и его сражения! Мы были тогда на пороге столетия Бородинской битвы, и было уместно отметить юбилей творением, достойным этого события: пряным, слегка древесным и шипровым одеколоном с оригинальной нотой, которую добавлял бальзам египетского происхождения. Он был воплощен в очень сдержанной бутылке, увенчанной изысканной пробкой, украшенной имперским орлом. Под горлышком бутылки черным по золотому фону шла надпись: 1812 N 1912. Этикетка изображала задумчивое лицо Императора с глубоким и решительным взглядом на фоне цвета сепии, надпись гласила: *Bouquet Napoléon, Sté Rallet, Moscou* («Букет Наполеона», Товарищество

А. Ралле, Москва). Небольшой буклет, оформленный в память о битве, был напечатан и распространен товариществом. На его обложке можно было увидеть всадника, скачущего верхом на коне с поднятой саблей, — дань уважения моему деду, раненному в Смоленске. Вся Москва расхватала одеколон, и «Букет Наполеона» вскоре отправился покорять Российскую империю и даже ее отдаленные провинции, сочетая мощь, простоту и изысканность настолько успешно, что его хотели носить женщины всех слоев общества. И это уж был не тот Император, что запускал своих доблестных солдат наполеоновской гвардии в бескрайние русские леса и степи, а влюбленный человек, что галантно преподносил цветы своей супруге. И каждый русский, даря своей возлюбленной этот драгоценный флакон, вкладывал ей в руки частичку того огромного букета, который, как говорили, однажды сам Наполеон собрал для своей нежной Жозефины.

В тот год я был скован, как кандалами, днями работы техническим директором на заводе, выставками, концертами, операми, балетами, но не забывал и о прогулках с тобой, моя Идочка. В октябре наш сын свернулся клубочком, укрывшись у твоей талии, некогда такой тонкой, и принялся очерчивать на протяжении месяцев округлости, которые переполняли меня счастьем. А 21 июня 1913 года он появился на свет. Я дал ему имя Эдуард, это имя носили мой дед, наполеоновский герой, мой отец и мой старший брат. Казалось, все сулило нам светлое будущее...

*«Его творения, успех
которых увенчался
"Букетом Наполеона",
носили в Москве все
слои общества —
от самого простого
купца до балерины,
и даже принцессы»*

Ида

Париж, 28 ноября 1969

Ида сидит в темной квартире на авеню де Терн. Серый свет зимнего утра медленно проникает в комнату. Старинные часы продолжают мерно отсчитывать время, тикая и тикая; только один их голос звучит в замкнутом пространстве. Под столом стоит куча картонных коробок, хранящих разрозненные воспоминания. На стенах висят черно-белые фотографии царя и его семьи, композиторов, русские деревенские пейзажи, композиторы, несколько вырезок из газет... На рояле и рядом, на полу, разбросаны ноты, на столе тоже — только чуть меньше. Рядом с кроватью висит иконка, перед ней мерцает небольшая лампадка, свет от нее проходит сквозь красное стеклышко. В темноте можно разглядеть большую сиамскую кошку, которая, кажется, всегда спит.

Но Иды здесь нет. Ее душа находится в России. Страна, которую она так, в сущности, никогда и не покинула. Ей было всего двадцать шесть, когда она приехала во Францию холодным осенним днем 1920 года, но ее рот так и не сумел предать свой родной язык, ее русский акцент всегда заставляет слова петь, а предложения колебаться; что касается французской грамматики, не говоря уже об орфографии, то тут она избрала свободный подход, который можно было бы назвать поэтическим.

Слегка наклонив голову, повязанную голубым бархатным тюрбаном, из-под которого выбиваются несколько белых прядей, она смотрит, не моргая, на пейзаж, приютившийся в ее сердце... Это небольшое село

Ивановское, где она провела все свои детские каникулы с любимыми двоюродными братьями. С одной его стороны тянется река Истра, тогда довольно широкая и глубокая. Через нее перекинут небольшой мост. Прямо в сельской местности расположена ткацкая фабрика дяди Сержа. А кругом — лес. Дорога из Москвы занимает несколько часов: час поездом до станции Кориково и еще двадцать верст верхом. Это не так далеко, но тем не менее путь неблизкий. Здесь есть несколько невысоких домиков и небольшая церковь, где крестили двоюродных братьев Сережу и Володю. А как дядя Серж любил играть на скрипке! Одной рукой он руководил фабрикой, а другой устраивал для театралов спектакли и выставки русских художников. Здесь, несомненно, зародился и актерский талант его сына Володи.

Ее взгляд падает на портрет Володи в роли Гамлета. На мгновение Ида останавливается на воодушевленном лице двоюродного брата, а затем переходит к письму, которое держит в руке. С губ срывается долгий вздох...

Париж, 25 января 1932

Дорогая подруга,

Получил твое письмо от 22 января. Это правда: прошло двадцать лет, мы были погребены под снегом, и поезд пришел очень поздно...

Рука немного дрожит, затем отпускает листок. В дверь ее памяти нахлынули воспоминания, они рвутся переступить порог, но нет, эту дверь она не откроет. Старинные часы мерно оживляют своим тиканьем тишину